

Рахимова Нурия Мухаметовна

КОГНИТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ПРЕЦЕДЕНТНОГО ТЕКСТА В КОНТЕКСТЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ

В статье представлена междисциплинарная модель когнитивной обработки дискурса, а также описана возможность ее применения для интерпретации художественного текста, включающего прецедентные феномены.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2011/2/41.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2011. № 2 (9). С. 139-142. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2011/2/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

УДК 81'42

В статье представлена междисциплинарная модель когнитивной обработки дискурса, а также описана возможность ее применения для интерпретации художественного текста, включающего прецедентные феномены.

Ключевые слова и фразы: когнитивная обработка дискурса на основе модели ситуации; эмоциональная составляющая и эстетическая функция художественной модели; прецедентный текст и прецедентные феномены.

Нурия Мухаметовна Рахимова, к. филол. н.

Кафедра немецкого языка

Магнитогорский государственный университет

nuria_rahimova@list.ru

КОГНИТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ПРЕЦЕДЕНТНОГО ТЕКСТА В КОНТЕКСТЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ[©]

В отечественной литературе утвердился уровневый подход к процессу понимания. Например, С. К. Фоломкина считает, что понимание осуществляется на нескольких уровнях: восприятие графических комплексов, извлечение информации и ее осмысление [16, с. 77-79]. Уровневый подход находим и в трудах зарубежных исследователей [18-21].

Присоединяясь к трактовке понимания как уровневого процесса, обратимся к междисциплинарной модели когнитивной обработки дискурса, предложенной Т. А. Ван Дейком и В. Кинчем [2, с. 153-211]. С точки зрения последних, понимание - это многоступенчатый процесс, в ходе которого реципиент сталкивается с необходимостью ограничения вариативности не только на традиционных уровнях - грамматическом, лексико-семантическом, но и когнитивном. Данная модель представляет понимание как процесс, происходящий на нескольких взаимосвязанных уровнях с целью построения когнитивного представления текста с использованием базы языка [12, с. 96].

Языковая база текста активизирует у реципиента определенные знания, а механизм понимания состоит в соотношении текстовой информации с той областью знаний, к которой относится получаемое сообщение. Реципиент должен сопоставить новую информацию как с собственным фондом знаний, так и с внутренним представлением текста. Существование достаточно широкого набора потенциально значимой для понимания информации диктует необходимость ее упорядочивания и выбора релевантных компонентов. С принципом релевантности связан фокус внимания, который представляется как ядро в структуре знания. Механизм фокусирования призван сформировать соответствующее ядро в структуре знания и регулировать процесс интерпретации, носящий стратегический характер. Стратегии понимаются как «часть общего знания и знания о процессах понимания» [2, с. 41-68]. Активизируя разные типы поступающей информации, стратегии управляют репрезентациями достаточно эффективно, допуская параллельную обработку частичной и неполной информации. В зависимости от различных стратегий, различных знаний, мнений и целей, каждый реципиент приписывает дискурсу свою макроструктуру [Там же, с. 45].

Описанная модель понимания дискурса, являясь более гибкой, чем прежние с алгоритмическими процедурами, допуская варьирование в зависимости от реципиента, может найти применение и в такой традиционной филологической процедуре как интерпретация художественного текста. Прежде чем перейдем к описанию когнитивной обработки художественного текста с прецедентными феноменами, остановимся на понятиях «понимание», «интерпретация».

Понимание - семантико-синтаксическое освоение текста, выведение общего смысла на основе непосредственно данных в нем языковых единиц и установление отношений между ними [9, с. 69-70].

Интерпретация - переход на более глубокий уровень, связанный, с процедурами логического вывода и получением знаний выводного типа, а также с соотношением языковых единиц с неязыковыми. Этот аспект связан с поэтикой литературной речи. Художественные приемы активизируют эмоционально-оценочную деятельность, заставляют осознавать языковые формы, а также отношения «между содержанием текста и индивидуальной картиной мира, принятой в социуме системой норм и оценок...» [4, с. 26].

Итак, интерпретация реализуется в контексте познавательной и эмоционально-оценочной деятельности человека и совмещает понятый в языковом отношении текст со знанием о мире, а это всегда выход за пределы текста как непосредственной данности, в рамках которой человек остается при простом осмыслении высказывания и текста [10, с. 93].

Тот факт, что понимание включает в себя структурирование и активизацию различных типов знаний, выдвигает в качестве базовой концепции понятие модели ситуации, которая выступает как опора и цель когнитивной обработки текста. Модель ситуации есть «вся информация для адекватного понимания: дискурс, знания языка, знания мира, знание установок, представлений, оценок автора, а также мнения, этические, эстетические и эмоциональные [1, с. 25]. Сам процесс интерпретации художественного текста харак-

теризуется «сложным взаимодействием знаний реципиента с информацией, поступающей от разных языковых уровней базы текста до высших, зачастую имплицитных структур» [Там же, с. 20]. Ведущей категорией является субъективная картина мира реципиента, направляющая процедуру поиска. На этой основе выводится образ, который послужит базой для построения модели ситуации. Каждый реципиент выводит частную ситуационную модель. Литературные тексты не требуют жесткой модели, а дают простор для построения своей частной модели. Но какова бы ни была когнитивная среда реципиента, он не может приписать дискурсу произвольную интерпретацию: ограничителем выступает объективная языковая база текста.

Особенность художественного текста в том, что модель ситуации пропущена через авторскую субъективную картину мира, которая может отличаться от субъективной картины мира реципиента, поэтому модель ситуации реципиента не будет идентичной авторской. Именно эмоциональный компонент доминантно-смысла регулирует восприятие текста [8, с. 38].

Задача реципиента видится в том, чтобы его модель соотносилась с авторской. Это возможно, если говорящий и слушающий располагают более или менее одинаковым корпусом готовых представлений: автор отбирает одну из представленных им возможностей, а от адресата ожидается осуществление выбора тождественного элемента из того же массива уже приведенных и предусмотренных возможностей [17, с. 110]. Н. А. Рубакин различал «автора и его проекцию текста» и «реципиента и его проекцию текста» [13].

Реципиент должен что-то «сделать», чтобы понять текст, только такой подход допускает осмысление художественных образов, и через них глубоко личностное видение изображенного мира и трансформацию коммуникативной функции текста в эстетическую. Понимание эстетической ценности художественного текста способствует созданию конструкций в когнитивной системе реципиента, а также требует умений оперировать образно-ассоциативным богатством языка. Как отмечал, Д. С. Лихачев «произведение искусств не только сообщает, информирует, но и провоцирует некоторую эстетическую деятельность читателя...» [10, с. 431].

В настоящее время мир испытывает социальные, политические экономические и даже климатические потрясения. Писатели обращаются к прошлому, чтобы проанализировать современные явления через призму прошлого опыта. Любое произведение является «одновременно и феноменом породившей их реальности, и ... результатом накопленного человечеством опыта. Поэтому они характеризуются не только принадлежностью к современному этапу цивилизации и присущим им индивидуальным своеобразием, но и соотносительностью с предшествующими эпохами» [14, с. 47].

Между художественными текстами прошлого и настоящего в рамках одной культуры существует связь, а некоторые авторы намеренно отсылают читателя к известным произведениям. «Текст в тексте» [11, с. 450] - характерное явление, писатели ведут диалог посредством текстов. В лингвистической теории изучаются феномены прецедентного текста.

Прецедентные тексты - это лингвокультурологическое явление, являющееся неотъемлемой частью структуры языковой личности [5-7]. Они определяются как тексты, значимые для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношениях, имеющие сверхличностный характер, то есть хорошо известные и широко окружению данной личности, включая ее предшественников и современников...» [7, с. 216].

В художественном тексте прецедентный феномен является не просто приемом. Обратимся к рассказу П. Хилле «Mein Heiligabend», в экспозиции которого находим: «Es werde Licht. Es wurde aber keins. Denn die Lampe stank, da ich mit ihr mein gequältes Dasein etwas erleuchten wollte, stank sie wie eine mürrische Mine meiner Wirtin». Реципиент, проанализировав языковую базу текста, соотносит его со своими культурными знаниями и узнает прецедентный феномен - цитату «Es werde Licht! und es ward Licht» из Библии, псалом 33.9. Только после этого реципиент понимает данный фрагмент и выводит частную модель ситуации, приближенную к авторской. Цитата наполняет текст новым содержанием, придавая бытовой зарисовке философское обобщение.

Прецедентный текст вносит свой вклад в формирование содержания всего дискурса, органично вплетаясь в ткань другого контекста, как бы теряя свой основной смысл, но обретая взамен другой. «Произведение, вырванное из контекста данной литературной системы и перенесенное в другую, окрашивается иначе, обрастает другими признаками...» [15, с. 227].

Художественный текст с прецедентным феноменом отклоняется от канонической структуры: буквальный смысл текста не равен передаваемой им информации. Задача реципиента заключается в том, чтобы, пропустив через призму личного опыта результаты чужого, узнать другой текст.

Процесс требует задержки внимания, а также многократного возвращения с целью проверки уместности данного понимания. Из этого вытекает, что понимание носит сознательный характер. Включение сознания приводит к тому, что перестает действовать автоматизм, поэтому такой процесс рассматривается как трудоемкий творческий процесс, требующий активной работы мышления при участии эмоций.

Понимание прецедентных текстов управляется стратегически. Стратегии подразделяются на языковые, актуализирующие у реципиента знание формальных языковых структур и операций с ними, и на семантические, позволяющие наполнить языковые единицы конкретным содержанием. Когнитивные стратегии соотносят текстовую информацию с определенной областью знаний.

Стратегическая обработка осуществляется не алгоритмически и последовательно, а подвижно, одновременно на нескольких взаимосвязанных уровнях как «снизу вверх», так и «сверху вниз» [2, с. 139]. Для построения более высокого уровня используется конкретная информация, и наоборот, структуры более высоких уровней привлекаются для предположений о том, какая конкретная информация появится с наибольшей вероятностью.

Рассмотрим на примере повести У. Пленцдорфа «Новые страдания юного В.». Реципиент начинает обработку с заголовка: языковые и семантические стратегии позволяют предположить, что речь идет о молодом человеке. На уровне обработки языковой базы есть авторская подсказка «новые». Когнитивные стратегии заставляют обратиться к собственным знаниям и вспомнить, что уже существует произведение со схожим названием: Гёте «Страдания юного Вертера». После обнаружения прецедентного текста, реципиент возвращается к заголовку, понимая его глубину. Мы наблюдаем лингвистическую трансформацию ранее известного образа в совершенно новый, но построенный по общей семантической модели с первоисточником. Таким образом, автор задает новое восприятие старого сюжета.

Задача читателя не только *узнать* другие произведения, он должен их *знать*, чтобы провести параллели. В тексте повести «присутствуют» другие прецедентные тексты. Например, Эдгар, как герой Сэлинджера «Над пропастью во ржи», откровенно рассказывает о своем неприятии морали современного общества. Знание романа активизирует у читателя ассоциации, которые позволяют глубже понять Эдгара: он раним, не любит фальшь. Ассоциации с романом Д. Дефо усиливают эту трактовку - одиночество героя.

Для интерпретации реципиенту необходимо понять прецедентный текст, что возможно только после активизации знаний и установления внетекстовых связей. Данный процесс требует от него осуществления нетривиальных мыслительных операций, широкого кругозора и умения вспомнить нужное в нужный момент. Только после узнавания прецедентного феномена реципиент сможет построить частную модель ситуации, которая варьируется в зависимости от его личностных характеристик, опыта, представлений, взглядов. Пониманию способствуют подсказки автора, направленные на то, чтобы обратить внимание на определенные моменты в тексте.

Успешная интерпретация художественного текста означает достижение интеллектуальной, эмоциональной и эстетической гармонии между автором и реципиентом, последний за счет эмоционального сопереживания и эстетического наслаждения развивает и даже изменяет свое видение мира.

Список литературы

1. **Городникова М. Д.** Когнитивное моделирование при интерпретации художественного текста // Когнитивные аспекты лексики: сборник научных трудов / Тверской государственный университет. Тверь, 1991. С. 20-28.
2. **Дейк Т. А.** Язык. Познание. Коммуникация. М.: Прогресс, 1989. 312 с.
3. **Дейк Т. А., Кинч В.** Стратегии понимания связного текста // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1988. Вып. 23.
4. **Залевская А. А.** Текст и его понимание. Тверь: Изд-во ТГУ, 2001. 56 с.
5. **Караулов Ю. Н.** Общая и русская идеография. М.: Наука, 1976. 356 с.
6. **Караулов Ю. Н.** Русский язык и языковая личность. М.: КомКнига, 2006. 261 с.
7. **Караулов Ю. Н.** Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987. 263 с.
8. **Кинцель А. В.** Психолингвистическое исследование эмоционально-смысловой доминанты как текстообразующего фактора. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2000. 152 с.
9. **Кубрякова Е. С.** Текст - проблема понимания и интерпретации // Семантика целого текста. М.: Наука, 1987. 241 с.
10. **Лихачев Д. С.** Несколько мнений о «неточности» искусства и стилистических направлений // Избранные работы: в 3-х т. Л.: Художественная литература, 1987. Т. 3. 520 с.
11. **Лотман Ю. М.** Избранные статьи. Таллинн: Александра, 1992. Т. 1. 450 с.
12. **Пищальникова В. А.** Общее языкознание. М., 2003. 96 с.
13. **Рубакин Н. А.** Психология читателя и книги. М.: Госиздат, 1929. 308 с.
14. **Стененко Е. А.** Концепция традиции в литературе XX века // Художественные ориентиры зарубежной литературы XX века. ИМЛИ РАН, 2002. С. 47-82.
15. **Тынянов Ю. Н.** Поэтика. История литературы. Кино. М., 1977. 227 с.
16. **Фоломкина С. К.** Обучение чтению на иностранном языке в неязыковом вузе. М.: Высшая школа, 1987. 205 с.
17. **Якобсон Р. О.** Два аспекта и два типа афотических нарушений. М.: Прогресс, 1990. 512 с.
18. **Güllich E.** Ansatz zu einer kommunikationsorientierten Textanalyse // Zeitschrift für Literaturwissenschaft und Linguistik. 1976. № 6. S. 224-256.
19. **Köller W.** Zeichen, Text, Sinn. Göttingen, 1977.
20. **Probleme des Textverstehens.** Tübingen: Niemeyer, 1984.
21. **Scherner M.** Wie Texte das Verstehen steuern. Dortmund, 1977.

COGNITIVE STRATEGIES OF PRECEDENT TEXT INTERPRETATION IN THE CONTEXT OF WORK OF ART

Nuriya Mukhametovna Rakhimova, Ph. D. in Philology
Department of German Language
Magnitogorsk State University
nuria_rahimova@list.ru

The article presents the inter-disciplinary model of discourse cognitive processing and describes the possibility of using it for the interpretation of fiction text which includes precedent phenomena.

Key words and phrases: discourse cognitive processing on the basis of situation model; emotional component and aesthetic function of artistic model; precedent text and precedent phenomena.

УДК 10.01.10

Статья посвящена центральному органу печати Русской Православной Церкви. Типологический анализ «Журнала Московской Патриархии» предваряется историческим очерком, повествующим об учреждении и развитии исследуемого журнала. Подчеркивается типологическое своеобразие издания, заключающееся в редком для «толстого» ежемесячника синтезе информационности и публицистичности.

Ключевые слова и фразы: периодическая печать; история и типология прессы; журнал как тип издания; церковная журналистика; периодика Русской Православной Церкви; «Журнал Московской Патриархии».

Владимир Александрович Родченко (Иеромонах Сергей), кандидат богословия

Кафедра канонического права и управления

*Общецерковная аспирантура и докторантура им. св. равноапостольных Кирилла и Мефодия, г. Москва
rodvladalex@mail.ru*

ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ «ЖУРНАЛА МОСКОВСКОЙ ПАТРИАРХИИ» КАК ОФИЦИАЛЬНОГО ОБЩЕЦЕРКОВНОГО ИЗДАНИЯ[©]

Одной из очевидных реалий современного церковного служения миру уже безусловно стала информационная миссия - «православное свидетельство самым широким слоям населения через все доступные средства массовой информации» [9, с. 25]. С конца 1980-х годов периодические печатные издания Русской Православной Церкви начали появляться на отечественном медиаполе весьма активно, и на сегодняшний день уже можно говорить о том, что общее формирование типологической системы церковной журналистики в целом завершается. Однако у каждой системы есть свое основание, свой стержень - то, с чего все начинается и вокруг чего происходит дальнейшее развитие. Подобным основанием для отечественных церковных СМИ стал «Журнал Московской Патриархии» (ЖМП).

ЖМП сегодня, без преувеличения, является лидером на информационном ландшафте Русской Церкви, он воспринимается как своего рода визитная карточка, некое даже культовое явление в религиозной прессе. И во многом это объясняется, конечно же, его ясным, четко обозначенным и стабильно поддерживающимся типологическим форматом.

Прежде всего, ЖМП - общецерковный журнал, предназначенный для распространения на территории всего Московского Патриархата. Далее - это журнал официальный, следовательно, востребованный хотя бы уже на административно-иерархическом уровне. Вместе с тем, он рассчитан на самую широкую аудиторию, не ограниченную каким-либо определенным признаком, кроме единственного - подразумевается, что это, естественно, должны быть люди достаточно воцерковленные. Огромные плюсы «Журналу» придают также его легендарность (в этом году исполняется 80 лет со дня его основания) и почти безукоризненная на протяжении всего этого времени ежемесячная периодичность, чем в церковной медиасреде, к сожалению, могут похвастать пока лишь единицы.

Все перечисленные факторы создают ЖМП тот ореол, особенности которого теория журналистики формулирует следующим образом: «Помимо устойчивых типологических признаков, по которым производится квалификация общероссийских общественно-политических изданий, для полноты характеристики... используются и социально-психологические критерии - идейная позиция и репутация. Под репутацией обычно понимается авторитетность, влияемость, ответственность, взвешенность взгляда, респектабельность издания. Очевидно, что это черты образа «серьезной газеты» (в данном случае - журнала - *Иером. С.*), в которых отражается и стилистика, и информированность, и статус авторов...» [14].

«Журнал Московской Патриархии» был основан в 1931 году Местоблюстителем Патриаршего Престола, будущим Патриархом, митрополитом Сергием (Страгородским). Историки Церкви - в частности, профессор